

Александр Моргунов

СЕРЕБРИСТЫЙ ПОТОК

Маленькая повесть

Александр Моргунов

***СЕРЕБРИСТЫЙ
ПОТОК***

Маленькая повесть

Курган 2023

ББК 84(2Рос=Рус)6
М 79

Александр Моргунов. Серебристый
поток. Маленькая повесть. Курган:
ООО «Типография Дамми», 2023 - 102 с.

Печатается в авторской редакции

На обложке:
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ СТАНЦИИ МИШКИНО;
ОКРАИНА ПЕРВОМАЙСКОГО БОРА – ДОРОГА НА
КАМЕННУЮ ГОРУ (Фото автора от 10 марта 2023 года).

Охраняется законом об авторском праве

© Александр Моргунов, 2023
© ООО «Типография Дамми», 2023

Я искренне желаю моему дорогому читателю, чтобы он всегда с радостью вспоминал своё прошлое, был счастлив в настоящем, с уверенностью смотрел в будущее и никогда не унывал.

Александр Моргунов

Счастливая, счастливая,
невозвратимая пора детства!
Как не любить, не лелеять
воспоминаний о ней?
Воспоминания эти освежают
мою душу и служат для меня
источником лучших
наслаждений.

Л.Н. Толстой

СЕРЕБРИСТЫЙ ПОТОК

Маленькая повесть

Много раз мне приходилось слышать, что можно бесконечно долго смотреть на то, как горит огонь, течёт вода и смеётся ребёнок. А если на минуту окунуться в океан памяти, то можно раствориться в вечности без остатка на всю свою осознанную жизнь...

Я стоял на балконе своей квартиры и задумчиво смотрел вдаль на проплывающие по хмурому осеннему небу синевато-серые облака. Вполне вероятно, что сегодня снова будет дождь. Было немного зябко. Редкие хрустальные капельки уже поблёскивали на стёклах. Листва с деревьев почти вся облетела, и через просветы в старых клёнах и вязах мне был виден железнодорожный вокзал с частью перрона, островок кирпичных гаражей и несколько жи-

лых домиков нашего посёлка.

Сквозь проём открытого окна балкона с третьего этажа я разглядывал монотонный пейзаж и увидел прибывающий на станцию пассажирский поезд. Справа, по второму пути, в восточном направлении замедляя движение, двигался серебристый поток. Локомотив сбавил ход и остановился в отдалении почти напротив. Едва уловимое, как дуновение ветра, лёгкое чувство волнения овело меня. В моей голове совершенно неожиданно и негромко зазвучала очень знакомая мелодия. Очевидно, это была песня, но слов я почему-то никак не мог вспомнить. Мой рассеянный взгляд как будто попал в паутину времени и остановился на первом вагоне экспресса.

Воображение сразу же нашло подходящее сравнение с этой вполне обычной, будничной картиной. Поезд – это моя жизнь. Оста-

новка – память. Время действия – детство, а я в самом начале пути...

Из глубин моего сознания на меня нахлынули такие сильные воспоминания, что я отключился от действительности и в одно мгновение отмотал, как киноленту, всю свою сознательную жизнь в обратном направлении вплоть до похожего жизненного сюжета.

Время сначала остановилось, а затем снова плавно потекло, но уже в другом измерении.

Память вернула меня в далёкое прошлое на берег Волги, где мы с отцом сидели у разгорающегося костра тёплым сентябрьским вечером, просто смотрели на огонь и проплывающие вдали большие белые пассажирские теплоходы. В ту пору мне было шесть с половиной лет. Корабли были очень похожи на плывущие по небу облака, которые отражались на широкой глади реки. Я на всю жизнь

запомнил эти счастливые минуты.

Воспоминания были такими живыми, что я был полностью поглощён ими. Я смотрел на огонь, и получалось так, что пламя как бы исходило из воды, и его рыжеватые языки и сполохи колыхались на фоне слегка волнующейся широкой глади. Лёгкий ветерок колыхал марево костра и относил дымку в сторону от нас по течению реки. Отражения кораблей и облаков на волнистой поверхности были практически неразличимы. Но почему мне так необыкновенно грустно и радостно одновременно?..

Скоро, очень скоро, мы всей семьёй переедем из Астрахани за Урал навсегда. А что дальше? Сцены из далёкого прошлого быстро мелькали в моей голове, как пёстрые кадры немого кино. Конечно, жить на берегу Волги, на окраине южного города в окруже-

нии садов и виноградников было просто чудесно. Но это другая история, и я сейчас не об этом.

Расставание с соседями было недолгим. Тётя Соня держала на руках симпатягу Руфиночку и плакала. Ей было очень грустно расставаться со своей отзывчивой соседкой Машей, моей мамой. А тетя Валя Абрамова, лучшая мамина подруга, и две её милые девчонки Вера и Наденька долго махали нам вслед, улыбались и кричали на прощание пожелания счастливого пути. Им почему-то было очень весело.

Папин друг, дядя Володя Мешков, наверно был на смене, а тетя Рая как всегда нянчилась с маленькой Наташей. Жаль, конечно, что они не пришли проводить нас, но может быть, мы ещё когда-нибудь увидимся.

Все наши дорогие соседи и друзья родителей из посёлка Ста-

рая Кучергановка были тогда молодыми, жизнерадостными, очень искренними и добрыми людьми, а их малые ребятишки, то есть все мы, почти ровесниками. Я не знал, что мне делать – радоваться со всеми или грустить? Помню, что я был очень взволнован и почему-то радовался.

А дальше был автобус, на который нас провожала семья Абдулаевых, вокзал Астрахань Главный, плацкартное купе пассажирского поезда и долгое ожидание отправки вместе с провожающими нас близкими родственниками. Родной мамин брат, мой любимый крёстный, дядя Толя с тетей Ниной и моими двоюродными братиками Колей и Сашей почти час вместе с нами ждали отправки поезда. За это время все успели ещё раз наговориться, заплакаться и наиграться. В конце этого сердечного расставания наши

родители все вместе очень красиво и задущебно спели свою любимую песню первоцелинников. Потом все сидели с грустными лицами и просто молчали.

Диктор объявил о скорой отправке поезда Астрахань – Москва и попросил провожающих покинуть вагоны. Через несколько минут поезд тронулся. До свиданья, родные и гостеприимный южный город. Здравствуй, новая жизнь!..

И вот из этой новой жизни, как наяву, мне вспомнился один очень яркий эпизод...

Тогда мне только что исполнилось двенадцать лет. Чем-то особенным и приметным этот год в моей памяти не запечатлелся, но одно событие раз и навсегда изменило моё отношение к жизни и мои взгляды на будущее. Я был потрясён до глубины души и всерьёз задуматься о смысле челове-

ческого бытия и о своём предназначении на этой земле. До этого случая я жил беззаботно и не испытывал таких сильных волнений. А дело было так...

После уроков весёлая ватага ребят одноклассников, радостно гомоня и шутиливо задирая по дороге друг друга, спешила на прогулку в своё заповедное место – «Детсадовскую поляну» Первомайского соснового бора. А что тут, собственно говоря, особенного и необычного? Бор – это просто сосновый лес, а всё остальное это уже просто личные фантазии. Позвольте не согласиться. А если учесть, что ещё совсем недавно, около пяти лет назад, мы переехали в эти края из далёкого южного города, где ничего подобного не встретишь и не увидишь, то этот оазис вечно зелёного, мощного и буйного великолепия покажется вам непременно чем-то особенным.

Именно тогда, на следующий день после нашего приезда и состоялась моя встреча с бором. Я на полном основании могу утверждать, что это была удивительная встреча, очень интересная и незабываемая.

Наша семья на поезде переехала в Зауралье. Когда мы высадились на станции Мишкино, было пасмурно и довольно прохладно. После астраханского тепла одежды мы были немного не по погоде. На улице моросил холодный скучный дождик.

А когда мы приехали в село Первомайское поздним вечером на рейсовом автобусе, то дождик чуть усилился. Вдруг стало очень зябко. Освещения на улицах в те времена никакого не было. Под ногами было сыро, но не грязно. Было такое ощущение, что ты идёшь по мягкому песчаному берегу. Я ведь ещё совсем недавно

разгуливал босиком по отмелям и плёсам великолепной Волги – незабвенной реки моего самого раннего детства.

Кстати сказать, что на небольшом чистом пляже Заячьего острова, что на левом берегу Серебряной Воложки было очень уютно. Перейдёшь через Артёмовский мост со стороны посёлка, в котором мы жили на улице Комсомольской, повернёшь налево и сразу – заветное место. Чуть дальше, неподалёку стоял огромный ветряк, а за ним была пришвартована большущая плавучая пристань. С неё мы, маленькие ребяташки, любили удить рыбу или просто наблюдать, как играет молодь в чистой и прозрачной воде. Рыбы в те времена в реке Волге было страсть как много, а вода была такая чистая, что её черпали с берега и использовали как питьевую.

Если пройти немного вперёд против течения реки и повернуть направо, то почти сразу окажешься возле небольшой деревянной церкви Святителя Николая. Меня там крестили. Один только эпизод, когда я после первого погружения в крестильную чашу вцепился в бороду батюшки и без всякого рёва, мужественно и терпеливо, вместе с его бородой, ещё и ещё раз был омыт чистыми водами, занимала в рассказах моего крёстного дяди Толи не меньше пяти минут. Но это было уже в далёком прошлом. А сейчас жизненные декорации сильно изменились и, как мне показалось на тот момент, не в лучшую сторону.

После тёплого автобуса нам всем стало непривычно холодно и неуютно. Признаюсь сразу, что мы все устали с дороги. Родные встретили нас очень радушно, погрузили вещи на подводу и, посто-

янно обнимаясь, тиская друг друга и весело переговариваясь, стали тихонько продвигаться в сторону дома нашего дядюшки – родного маминого брата.

Прислушиваясь к разговору взрослых, я понял, что родственники живут совсем недалеко, рядом с каким-то Бором. А кто такой этот Бор и где он находится, мне было тогда совсем непонятно?..

Тусклый свет из окон домов почти не освещал дорогу, а наоборот только усиливал темноту. Отец крепко держал меня за правую руку и как всегда, немного прихрамывая, бодро шагал у края повозки, постоянно оглядываясь на маму, которая вместе с младшей сестрой Танечкой и бабушкой Настей ехали на подводе и то и дело ойкали после каждой маломальской ямки на дороге. Дядюшка Лёня и мой старший брат Борис шли рядом.

Лошадь была серая, и её вел в поводу наш дальний родственник Григорий Никитич Перемитько. Он постоянно сетовал на погоду и приговаривал, что вот, мол, сейчас доедем и тогда обязательно отогреемся и отдохнём с дороги.

Впереди как будто кто-то разлил чернила по тёмному небу. Я всё время поднимал голову и наблюдал на ходу, как эти кляксы колыхались под ветром на абсолютно мрачном фоне. Чтобы не отставать, я семенил рядом с отцом и то и дело бросал взгляд в темноту, приглядываясь к этому непонятному воздушному явлению. Мне тогда показалось, что из этой теми на меня тоже кто-то пристально смотрит. Но кто бы это мог быть? Стало интересно и немного страшновато. А что бы это могло значить? Что это за игра теней чёрного в тёмном? Мы шли, а эта качающаяся темнота надвигалась на нас словно грозовая туча.

Расспросить у отца, что это такое, я просто не успел.

Мы, кажется, уже пришли к дому дяди, скрипнула калитка, залаяла собака, и кто-то, как по команде, включил лампочку под навесом во дворе у дома. Все оттенки сразу пропали, и осталась только густая тьма, которую лишь подчёркивали где-то совсем далеко светящиеся тусклые огоньки.

Дождик усилился, и все поспешили скорее в дом. Мужчины взяли с телеги большие чемоданы, и мы всей гурьбой двинулись на свет лампочки.

Что мне сразу запомнилось – так это необычные запахи, которых я раньше не знал. Это был другой мир, другая жизнь, нечто новое, необычное, настораживающее, интересное.

Перешагнув через две невысокие ступеньки крыльца дома, я попал в сени, а затем сразу направо

вслед за папой вошел в просторную комнату, освещённую довольно яркой лампочкой без абажура.

Внутреннее убранство дядино-го дома меня нисколько не удивило. Простой деревенский быт был мне не в диковинку. У нас в Астрахани, в мазанке-пятистенке, убранство было ещё скромнее и в кухне было намного меньше места и простора.

На жёлто-сером некрашеном полу комнаты, сразу за порогом, лежал пёстрый тряпичный коврик. Справа на стене, была устроена большая деревянная вешалка с широкой и длинной решетчатой полкой наверху. На вешалке висела разная одежда, а под ней на полу, как обычно, стояла различная обувь.

Слева от входной двери находился умывальник из оцинкованного железа, а за ним обеденный стол и несколько деревянных табуретов.

У противоположной от вешалки стены, в левом углу, располагалась деревянная лавка, а на ней стояла большая эмалированная кастрюля. Над лавкой, почти под потолком, висели большие железные часы с маятником и гирями на цепочках.

В комнате по сравнению с улицей было очень тепло. Дорогих гостей ждали, и мы это сразу почувствовали по радостным и тёплым приветствиям наших родных. В дальнем углу висилась какая-то громадина, но моё внимание сразу переключилось на одного очень занятого жильца этого уютного и гостеприимного дома.

Посередине комнаты, как будто хозяин, восседал на полу большой чёрный кот с белым пятном на шее. Увидев нас, он с любопытством смотрел на происходящее и вертел головой в разные стороны. Наклонившись к своему ле-

вому боку, он несколько раз лизнул его, а потом снова уставился на незнакомцев и вопросительно мяукнул. Кто-то из присутствующих сказал, что Черныш не зря, мол, целый день гостей намывал, вот и дождался. Все заулыбались и взрослые стали помогать нам раздеваться.

Эта тёплая домашняя атмосфера нас всех очень приободрила и сразу подняла настроение. Когда все разделись и прошли в комнаты, то я ненадолго задержался, потому что Черныш подошёл ко мне и стал доверчиво тереться своей лоснящейся чёрной шеей о мою ногу. Я с некоторой осторожностью наклонился и погладил его. Черныш прогнулся, благосклонно замурлыкал и важной походкой пошёл в сторону огромной чудной печи, где и сел у подтопка рядом со своей миской.

Печь – это самая выдающаяся

часть комнаты. Она меня сразу удивила и впечатлила своими размерами, но свое пристальное внимание я уделил ей только сейчас.

Расположившись в дальнем углу комнаты, наискосок от входной двери, она показалась мне необычно большой и очень высокой. Я таких печей еще не видел. Настоящая Русская печь. К печке была приставлена маленькая деревянная лесенка в четыре ступеньки. А уж о том, что там, на печи, и находилось всё самое интересное, можно было только догадываться, потому что широкая занавеска, закрывающая лежанку, не позволяла судить об этом.

Плита над подтопком была обычная чугунная, тёмно-коричневая с разными большими и малыми наборными кольцами. Две дверцы, тоже чугунные и узорчатые только подчёркивали полный

колорит мастерского творения бывалого печника. Они были чисто побелены, как и лепестки закрывашки, впрочем, как и вся печь, и вся комната.

Нижняя маленькая дверца печи была приоткрыта. Я знал, что это поддувало. Наша «голландка» на астраханской кухне была карликом по сравнению с этой огромной «Емелиной печью», которую раньше я видел только на цветных картинках в детских книжках. Вот скомандую: «По щучьему велению...», и она, улыбнувшись во весь притвор большой чёрной заслонки, сейчас же поедет, куда я скажу.

Через широкую щель открытого поддувала были хорошо видны рыжие блики и маленькие угольки-искорки в осыпавшейся золе. На железном чёрном фартуке пола аккуратно лежали сухие берёзовые, мелко колотые дрова.

Под лесенкой, ведущей на лежанку, лежал старый изреженный веник из сорго.

Что такое сорго, я знал вполне определённо. Оно каждое лето росло в нашем саду – огороде в посёлке, где мы жили раньше на окраине Астрахани. Осенью сорго обычно срезали и навязывали на весь следующий год шикарные веники.

За лесенкой, в уголочке на полу у печки, лежал железный совок и железная кочерга. Изделия были самодельные, но очень аккуратные, с ручками-вензелями. Позже я узнал, что мой дядюшка Лёня был великолепный деревенский кузнец, а это говорит о многом. Мне всё было интересно, но надо сказать, что радость от встречи перечеркнула все другие впечатления и моё любопытство ненадолго успокоилось. А любопытства в ту пору мне было не занимать.

Такая картина и домашняя обстановка предстала моим глазам, когда я вошёл в теплую, уютную комнату незнакомого мне дома. И, казалось бы, ну к чему описывать все эти детали простого житейского деревенского быта? Кто в те далёкие шестидесятые годы жил в деревне по-другому? Да все так жили. Но мне очень захотелось ещё раз окунуться с головой в простоту деревенской жизни шестидесятых и проникнуться неподдельным любопытством в ожидании завтрашнего дня. Ведь, как известно, наверняка, всё интересное должно произойти именно завтра...

Память будет возвращать меня раз за разом всю мою жизнь в это беззаботное счастливое время, где, как мне кажется, было лучше всего на свете.

В тот вечер довольно долго не могли наговориться мои дорогие

родные. То плакали, то смеялись, то снова обнимались. Давно не виделись. С тех пор, когда вся наша большая родня собралась на Казахстанской целине, на берегах Иртыша в селе Бескарагай Павлодарской области, а потом после её освоения разъехалась, кто куда, прошло немало лет. Я родился в тех краях и до сих пор горжусь этим. Ведь получается, что я тоже первоцелинник, как мои родители – Моргунов (Моргун) Владимир Иосифович и Мария Ильинична.

Возле чисто выбеленной, дышащей жаром русской печки на просторной кухне нас собралось ровно двенадцать человек. Как говорится, и стар и мал. Кто стоял, кто сидел, но все были очень взволнованы и рады друг другу. Три сестрёнки и три братика наконец-то познакомились, а взрослые смотрели на нас

с неподдельным умилением и восторгом. Но самым дорогим гостем в тот день была моя любимая бабушка по линии мамы – Анастасия Филипповна Салмина, а в девичество Ныркова, которая родилась в деревне Котловка в конце девятнадцатого века, на берегах реки Камы неподалёку от Елабуги. Большое внимание, уважение и почёт были для неё совершенно уместными, а я очень хотел приобщиться к этому и плотно прижимался к ней, норовя всякий раз угодить под её ласковую морщинистую руку.

Дядя Лёня подмигнул мне и сказал: «Любимчик?!» Бабушка обхватила меня рукой и, ласково улыбнувшись, молча прижала к себе. Я уткнулся в её тёплый бок и многозначительно запыхтел.

Немного погодя мы все перешли в просторную залу, которая одновременно была и спальней,

и гостиной. Там было тепло и уютно. Бабушка Настя прилегла отдохнуть, мама стала распаковывать сумки и чемоданы, хозяева занялись приготовлениями к ужину, а мы, ребяташки, продолжали знакомиться.

Этим руководила самая старшая и самая бойкая из нас, ребяташек, двоюродная сестра Люда. Она быстренько выпросила у каждого из нас, как нас зовут и сколько нам лет, а также рассказала про своего брата Васю и сестрёнку Иру, которая была моей ровесницей и застенчиво улыбалась, теребя толстенную чёрную косу с розовым бантом на конце. Она познакомила нас со своей бабушкой Лизой, мамой Олей, угостила нас леденцами и удалилась делать уроки, перепоручив нас брату Васе, который молчаливо разглядывал нас, не задавая никаких вопросов. Мне было всё

очень интересно, и я тихонько разгуливал по дому, не путаясь под ногами у взрослых, и внимательно разглядывал комнаты.

В кухне на плите в большой кастрюле, очевидно, варился знатный супец, потому что ароматы от него были очень аппетитными. Рядом с кастрюлей парил чугунок, доверху наполненный уже чуть потрескавшейся картошкой жёлтого цвета. Немного позже я узнал, что она, оказывается, была ещё и в мундире.

С дороги все, конечно же, проголодались. Столы накрыли в большой комнате. На стол поставили пол-литру. Взрослые дружно чокнулись и выпили за встречу из гранёных стопок под домашнюю лапшу из курицы, ну и, как водится, почти сразу вторую, под астраханские гостинцы. А гостинцы были славные.

Балык из осетрины и чёрная икра

– это уже само по себе деликатес. А обваренная в кипятке, очищенная вяленая вобла была положена поверх целой груды раздетой и политой ароматным подсолнечным маслом картошечки на большом глубоком фаянсовом блюде. Нам, астраханцам, в те времена это кушанье казалось обычным делом, а для зауральцев – такая невидаль, что похвальным возгласам не было конца.

На второе была хорошо разваренная ячневая каша и дымящаяся яичница с солёным салом. Тут уж мой папа дал волю своим чувствам. По крови и по душе он был настоящим украинцем, выросшим на берегах Днепра, на окраине Днепропетровска. Уж он-то знал толк в сале, хорошо умел его готовить и всю жизнь убеждал нас в том, что только у них на Украине умеют правильно его солить, коптить или, как он говорил, варганить.

Салат с репчатым луком и солёными груздями со сметаной был для нас в диковинку. Сказать по правде, я поначалу и не понял их вкуса. Но наши дорогие отцы не преминули опрокинуть ещё по одной под эту знатную, как они выражались, закусь.

Необыкновенно ароматный чай из корней лесной вишни с шиповником и творожные блинчики с вареньем из клубники показались мне самым вкусным из всего, что находилось на этом столе. Я за обе щёки с аппетитом уплетал блинчики, а яблочный пирог осилить уже не смог. Застолье получилось очень вкусным и приветливым.

Особенно много разговоров было у наших отцов и, конечно же, немного захмелев, им захотелось покурить. Они вышли на кухню, а я увязался за ними. Папа и дядя Лёня сняли бак с лавки и, придвинув лавку к плите, уселись по кра-

ям. Дядюшка деловито достал с выступа печки жестяную баночку из-под монпансье и многократно сложенную старую газету, а папа достал пачку Беломора. Они оба как по команде протянули друг другу курево, но каждый, помотав головой, остался при своём.

Первым закурил мой отец. Аккуратно распечатывая пачку, он оторвал квадратиком запечатанный край и, сделав окошечко, встряхнул её легонько, а затем, постучав ребром об указательный палец левой руки, аккуратно, щепоткой извлек папиросу. Взявшись за противоположный конец тонкой пергаментной обёртки, где был набит табак, он ловко прокрутил её, разминая содержимое, и дунул в папироску так, будто шмель прогудел где-то рядом.

Сжав двумя пальцами папиросу, он прикусил её край и ловким движением губ и руки сделал гар-

мошку. Затем взял с приступка печи коробок, заправски достал спичку и, чиркнув ею по плите, зажёл её и прикурил папиросу. С жадностью втягивая дым, расправляя грудь и втягивая свои щёки, папа помахал горящей спичкой перед собой и, погасив её, всунул в коробок с обратной стороны. На несколько секунд, задержав дыхание, он двумя пальцами левой руки вынул папиросу изо рта и, наклонившись к печке, выпустил длинный шлейф дыма в сторону дымохода русской печи. Облачко, угодив в заслонку, тут же улетучилось вверх, как будто его увлекла неведомая сила. Но в комнате всё равно немного осталось дымка, и я это почувствовал сразу, потому что курить в доме у нас было привычным делом для папы, и никто на это не обращал никакого внимания.

Дядя Лёня тем временем круго-

вым движением откупорил банку с махоркой, положил на скамейку рядом с собой и начал отрывать узенький кусочек свёрнутой газеты по складке. А дальше, намотав полоску газеты на средний палец правой руки, он свернул её в дудку пальцами обеих рук, растягивая за оба раструба одновременно и прокручивая против часовой стрелки. Затем он поспешил к краю, чтобы конструкция не распалась, согнул её коленом посередине, одновременно смял большим и средним пальцем правой руки и зафиксировал загиб.

– Вот, это, Санёк, называется козья нога, – деловито сказал он.

– Ага, понял, – сказала я, не понимая для чего всё это.

Держа баночку за донышко, он ловко набил «козью ножку» махоркой, несколько раз зачерпывая содержимое и постукивая рас-

трубом о жестяной край. Затем большим и указательным пальцем левой руки он запечатал край раструба, обминая газетную бумагу. Я с интересом наблюдал за всем этим – а вдруг когда-то пригодится.

Дядюшка привстал со скамьи и, дотянувшись до второй вьюшки, по-хозяйски приоткрыл её.

– Потом проветрим комнату, чтобы спокойно спалось, – сказал он.

Папа дружелюбно посмотрел на него и затаился ещё раз.

Мне было интересно наблюдать за всеми этими жизненными моментами, но одна мысль, засевшая в моей голове, не давала мне покоя. Я спросил дядюшку Лёню:

– А что такое бор и где он находится? Я слышал на остановке, как ты сказал, что вы живёте рядом с бором. Но, когда мы дошли до

вас, то его рядом не было. Или я его просто не заметил?

Дядя Лёня посмотрел на папу, многозначительно улыбнулся и сказал:

– Да просто темно было, Санёк. А хочешь, завтра поутрянке пойдём с тобой вместе его смотреть? И ещё по дороге соломой для поросят наберём на Каменной горе. Володя, ты не возражаешь, если мы с племяшом прогуляемся?

Папа одобрительно кивнул головой и сказал:

– Валяйте. Пусть привыкает к деревенской жизни.

Дядюшка потрепал меня по голове, а затем взял козью ножку, зажёл спичку и каким-то особым способом запалив запечатанный раструб, раскурил эту самодельную трубку. Он выдохнул дым на загоревшийся конец колченогой курительной конструкции и тем

самым потушил вспыхнувшее пламя. Вот это да. Вот это класс! Такого я ещё ни разу не видел. Мой папа курил всегда папиросы, но махорка – это просто нечто. Такой приятный, терпкий и ни с чем несравнимый сладковатый аромат дыма совсем перебил все остальные запахи в комнате. Мне это было в диковинку. Скажу сразу и честно, что дядька Лёня завоевал мои искренние симпатии просто и в один момент. Я проникся к нему таким необыкновенным уважением и доверием, что все последующие годы мы были с ним, как говорится, не разлей вода.

По своему внешнему виду мой дядюшка выглядел, как цыган из фильма. Он был крепкого телосложения, невысокого роста, с крупными чертами лица. Чёрные, как смоль, кудрявые волосы крупными кольцами торчащие во все стороны украшали его большую

голову. Уши у него были большие, но аккуратно прижатые к голове и особо не выделялись. Чёрные густые брови, чёрные ресницы и темно карие глаза свидетельствовали о его родстве с южанами или восточными людьми. Большой орлиный нос, тонкие губы, над которыми красовались чёрно-рыжие прокуренные усы, и волевой подбородок говорили о том, что дядя Лёня особенный человек и что на других он совершенно не похож. Рядом с ним мне уже только поэтому было очень занято. Я абсолютно перестал смущаться и полностью ему доверился.

Только я открыл рот, чтобы задать свой следующий вопрос, как папа скомандовал мне: «Марш спать. Завтра тебе придётся рано вставать, если тебе хочется бор увидеть». Я тут же подчинился без лишних слов, потому что мне очень хотелось поскорее увидеть этот

загадочный бор. Я вышел в соседнюю комнату, где были все остальные, и нужно сказать, что впечатлений на сегодняшний день мне уже хватило или я просто устал с дороги. Я больше не встречал ни в какие разговоры, а просто болтал ногами, сидя на краю кровати и даже немножко задремал.

Я не помню, как лёг спать, но проснулся я не сам. Тихий папин голос разбудил меня на следующее утро:

– Саша, вставай. Тебя дядя Лёня ждёт. Он хочет тебе бор показать.

Я проснулся сразу же и окончательно. Шутка ли дело – я сейчас пойду с бором знакомиться. Было уже довольно светло, но мои дорогие братики и сёстрёнки ещё спали. Я торопливо оделся и поспешил на кухню, а там уже бурлила другая жизнь.

Тётя Оля покормила меня манной кашей, свежеиспечёнными

оладьями со сметаной и вдобавок предложила мне целую кружку парного молока. Мне это показалось ну просто праздничным кушаньем. Нужно сказать, что с того момента я до сей поры люблю парное молоко и оладьи со сметаной. Я просто вырос на парном молоке и домашней стряпне.

Вдруг входная дверь открылась, и в кухню вошёл дядюшка Лёня. Он был в тёплой ватной куртке, в серой кроличьей шапке-ушанке и в больших чёрных валенках, поверх которых были надеты резиновые чуни. Я перестал жевать и, часто моргая, уставился на него.

– С добрым утром, Моргунчик, – сказал дядюшка ласково. Давай закругляйся и айда со мной за соломой на Каменную гору.

– А как же бор? – Воскликнул я.
– Ты же обещал показать мне его.

– Не волнуйся, племяш. Мимо него мы никак не пройдем. И он

добродушно улыбнулся.

– На-ка вот примерь, – и подал мне маленькую тёплую курточку и чёрную шапку-ушанку. – А на ноги надень вот это!.. Валеночки старенькие, но добрые ещё и подшиты прорезиненным войлоком.

– Эти тебе в пору должны быть. Твой брат Вася уже из них вырос. Они ему малы совсем стали. Одевайся, обувайся и айда на улицу.

Я по-быстрому всё доел и, одевшись не без помощи папы, вышел на улицу вслед за дядей Лёней.

Каково же было моё удивление, когда шагнув за порог сеней, я очутился в сказочном белом царстве снега и яркого ослепительного света. Видимо ночью выпал снег, и вокруг всё было в белом.

– Ничего себе, – сказал я, но это было ещё не всё. Прямо передо мной во дворе и за забором возвышались несколько высоченных и толстенных деревьев. Они были

просто огромными по моему разумению. Раньше я таких деревьев никогда не видел. Снег большими, пушистыми, ватными островками покрывал их разлапистые зелёные ветви.

Я, открыв рот, изумлённо смотрел на них, запрокинув голову.

– Дядя Лёня, это бор что ли?

– Нет, Санёк, это не бор, это – сосна. Ну то есть – сосны, из которых бор состоит. То есть бор – это сосновый лес. Да ты и сам сейчас всё увидишь.

– А где же он – этот бор? Если это сосны, из которых он состоит, но это не он? – Я посмотрел на него вопросительно и удивлённо.

– Резонный вопрос, Санёк, ты задаёшь, – и, почесав за ухом, он сказал, – ты сейчас сам всё увидишь и поймёшь, как только выйдем за калитку.

Собственно говоря, мне и за калитку выходить не пришлось.

Немного развернувшись направо, я с изумлением увидел поверх забора целую высоченную стену из таких огромных деревьев, и это буквально в нескольких метрах за оградой дома.

– Ну, пойдём, дорогой племяш, знакомиться с нашими зауральскими красотами.

Мы вышли за калитку его усадьбы, повернули направо и почти сразу очутились в тени этого зелёно-коричневого великолепия. На деревьях снег, под деревьями снег... всё чисто и бело, как будто жизнь началась с чистого листа бумаги. Я всё понял сам.

– Ну здравствуй, Бор, – сказал я уважительно. – Какой ты большой и красивый. Наконец-то мы познакомились. Я хочу с тобой дружить. Ты мне сразу понравился. Ты меня, пожалуйста, не обижай, и я тоже не буду никогда тебя обижать. – Я сказал это как заклинание, как мо-

литву, искренне и по зову сердца.

Мне показалось или на самом деле это было так, что могучий Бор услышал меня. С ближайшего ко мне дерева – огромной разлапистой сосны вдруг осыпался белым туманом снег прямо передо мной. Многочисленные холодные колкие искорки коснулись и моего лица. Дерево немножко покачнулось, как бы в немом приветствии, но это меня нисколько не удивило, потому что я с самого раннего детства был очень эмоциональным и впечатлительным.

Белый шлейф опавшего с дерева снега иссяк, и мы пошли дальше. Знакомство состоялось. Мы подружились. Здорово!

Дядя Лёня катил рядом с собой велосипед, к багажнику которого были привязаны несколько скрученных крапивных мешков и железные вилы с коротким жёлто-коричневым поблёскивающим, как

будто отполированным, деревянным черенком.

Оказалось, что дядюшка жил на окраине села Первомайского вплотную к сосновому бору. Несколько огромных развесистых сосен возвышались и в его ограде, и в оградах соседних домов.

Снег лежал на всём и везде, но холодно не было. Дорога была припорошена, слегка укатана и уже немного исхожена. Идти было легко. Снега выпало сантиметров так десять, и для меня, астраханца, это было, конечно же, в диковинку.

Мы шли молча по лесной дороге, и я крутил головой во все стороны – мне всё было интересно. Пройдя метров сто, я вдруг увидел слева от дороги на самой коренастой сосне посредине кроны, в развилке веток, необычное строение – шалаш или домик маленький, но определённо

что-то необычное, чего в природе просто не могло существовать. Я остановился, как вкопанный, и с удивлением спросил дядюшку:

– А это что? Дом соловья-разбойника что ли?

Дядя Лёня остановился и, добродушно рассмеявшись, сказал:

– Нет. Это старшие ребяташки устроили себе штаб. А иногда летом туда наш совхозный пчеловод ульи ставит, чтобы пчелиный рой приманить.

– Понял, – сказал я – хотя честно говоря, ничего не понял. Мне было в ту пору всего шесть с половиной лет, и мир ещё только начал открываться передо мной. Пока впечатлений было с избытком, мне было вполне безразлично, что такое штаб, кто такой Рой и почему его нужно приманивать.

Кстати сказать, узнаваемые остатки этой удивительной дере-

вянной конструкции я наблюдаю уже без малого полвека, когда заезжаю в уже навсегда ставшую мне родной Первомайку.

Дома ещё виднелись сквозь деревья с правой стороны от дороги, а с левой лес стоял всё той же стеной и почти не просвечивал. Навстречу нам проехала целая группа конных колёсных повозок, гружённых высоко жёлтой блестящей соломой. Поверх них, на соломе, сидели возчики и переговаривались между собой. Снова пахнуло чем-то необычным для меня, но на этот раз это обстоятельство почему-то уже несколько не удивило и не озадачило меня.

Мы неторопливо прошли мимо больших построек и загонов для скота, где было множество винторогих баранов и огромных, как горы, быков-рогатиков с кучерявыми пёстрыми лбами. У некоторых бычар я заметил железные кольца

в ноздрях. Я, конечно же, бежал с ребяташками встречать хозяйские табуны на Кучергановке в Астрахани, но таких громадин никогда там не видел. Я посмотрел на дядюшку, и он, предвосхищая мои вопросы, объяснил, что это «Бычник», то есть племстанция, а это племенные быки и племенные бараны. В общем, когда я вырасту, то сам, мол, обязательно всё пойму, как-то витиевато отговорился дядя Лёня. Меня это объяснение сейчас вполне устроило. Очевидно, что я начинал понемногу привыкать к новизне ощущений. Да тут на каждом шагу всё новое и необычное. И это ещё только первый день.

И действительно, дальше стало ещё интереснее. Снующие в кронах сосен белки выдавали себя лёгким падающим серебрящимся снежком. Стрекочушие в кустах боярышника сороки и сойки,

то и дело взлетающие с обочины дороги, не оставляли себя без внимания. Снегири, которых я раньше не видел, синички и дятлы – все они были не просто удивительными, а сказочными и загадочными для меня – первооткрывателя зимней зауральской природы. И, конечно же, кто есть кто и что есть что, сейчас и наперёд в этом занимательном путешествии я узнавал от своего дорогого дяди Лёни после очередного вопроса. А вопросы задавать я никогда не стеснялся. Правда, иногда, понадеявшись на свою сообразительность и чтобы казаться старше и умнее, я воздерживался от почемучек, но это было, конечно, личное моё предположение.

Совершенно неожиданно я обратил внимание на высоченное дерево. Оно стояло почти рядом с дорогой, слева от неё. Дерево было бело-серого цвета без коры

и почти что без сучков и веток. Ни листьев, ни хвои на нём не было. Оно стояло ровно и чётко, без снега, как свечка.

– А это что за чудо чудное? – спросил я дядюшку.

– Это короед, – сказал дядя. Немного усомнившись в том, понял ли я его, он переспросил: «Ты понял, Саня, о чём я?».

– Конечно, дядя Лёня, я понял – это ко-ро-ед, – сказал я по слогам, показывая рукой на дерево.

– Молодец! Смышлёный парень, – сказал он, и мы пошли дальше. Моя самонадеянность в будущем на счёт этого определения меня немного подвела...

Мы подошли к небольшой низминке. Вслед за ней начинался затяжной пологий подъём вверх через смешанный лес. Стали попадаться и другие деревья. Как мне объяснил дядя, это были берёзы и осины. А потом бор закон-

чился, и мы наконец-то вышли на опушку леса и на край поля. Поле было довольно ровным, но возвышалось над окрестностями, и мне было сказано, что это вот и есть та самая Каменная гора – урочище, мол, такое. Опять непонятное слово, подумал я, но вопросов задавать не стал, потому что впереди открылся очень интересный вид.

На поле ровными рядами стояли ярко жёлтые кучи – копны пшеничной соломы, припорошенные первым снегом, но только сверху. Когда мы подходили к одной из них, то из-под неё метнулся большущий серо-коричневый заяц и быстрёхонько упрыгал в лес.

– Матёрый русак, – сказал дядя. – Ты как, Санёк? Я вижу, ты даже испугаться не успел, а его уже и след простыл, – наклонившись ко мне, сказал дядюшка, немного опешив от происшедшего. Дядя Лёня, очевидно довольный всем,

что происходило с нами по дороге, удовлетворённо спросил:

– Ну как тебе, Санёк, нравится у нас?

– Ага, нравится, – сказал я и стал трогать рукой солому с оголенного бока кучи.

– Ну, тогда давай помогай набивать мне мешки, а потом мы пойдем домой поросят кормить и соломки им подкинем, чтобы теплей было, – сказал дядя Лёня. Он развязал скрученные мешки, отвязал вилы от рамы велосипеда, а затем сбросил верхний заснеженный слой с соломенной кучи. Когда он закончил свою работу, то воткнул вилы в копну и, довольный, высказался:

– Ну теперь и покурить не грех, а ты, если хочешь, то можешь полазать по кучам. Только осторожно, не упади ненароком.

– Ага, понял, – сказал я и неожиданно даже для себя быстренько

вскарабкался на следующую соломennую кучу и, как на санках, съехал с неё вниз. Мне это баловство очень понравилось, и я проделал это ещё много раз. Впечатления были такие классные, что я заливисто смеялся и радовался неожиданному случаю порезвиться вдоволь на природе. Дядюшка смотрел на меня с умилением и, как в прошлый раз, изготовил самокрутку, и с большим удовольствием выкурив её, стал набивать мешки соломой.

Через некоторое время он позвал меня к себе:

– А ну, Санёк, подмогни мне малость.

– Ага, давай помогу, – сказал я и подбежал к нему, с интересом заглядывая в его глаза.

– А ну давай залазь в мешок и помогай мне утрамбовывать солому, чтобы больше вошло. Сашок, дружок, полезай-ка в мешок.

– Он весело подмигнул мне и похвалил меня за то, что я так быстро согласился ему помочь.

Я неуклюже забрался в крапивник с его помощью, и мы вместе стали трамбовать содержимое. Я стоял в мешке и, обхватив дядю за шею своими руками, весело подпрыгивал вместе с мешком, который он же и подбрасывал легонько, взявшись обеими руками за края.

– Топчи шибче, – приговаривал дядюшка и подбрасывал мешок еще выше. Скажу честно, что мне это дело очень понравилось, но ничего не поделаешь – всё когда-то заканчивается. И мы, немного уставшие, но довольные, потихоньку засобирались в обратный путь.

Дядя Лёня каким-то чудесным способом с помощью верёвки привязал все три набитые доверху мешка к багажнику велосипеда,

пристроил вилы, и мы пошли в обратном направлении. Идти было довольно легко. Дорога была немного под уклон, шагалось весело и свободно. Солнце вышло из-за туч, и снег моментально начал подтаивать и даже немного осыпаться и соскальзывать с веток сосен с солнечной стороны. Но мне было весело и, конечно, казалось, что это мой новый друг Бор приветствует меня и тоже радуется.

На обратном пути мы заглянули на чаёк к очень приветливым людям, которые были, вероятно, немного постарше дяди Лёни. Дядюшка уважительно называл их сватами и приглашал вечером в гости на встречи дорогих родственников. Я понял, что дорогие родственники – это мы, и очень обрадовался, потому что дядя Гриша и тётя Надя угостили меня конфетами и согласились придти обязательно вместе со своим че-

тырёхлетним сыном Вовой, с которым я уже было начал играть на полу комнаты. Видимо, дядя Гриша был тот же дядька, который встречал нас на конной подводе вчера вечером. Здорово...

Домой мы пришли практически к обеду, и я принялся всем рассказывать по порядку, что я видел по дороге и как я познакомился с моим новым большим другом - очень интересным и добрым Бором. От общения с дядюшкой Лёней я был просто в восторге и всякий раз, немного привирая и приукрашивая действительность, просил его, чтобы он подтвердил мои слова. Дядюшка простодушно улыбался и радовался, что так замечательно угодил мне, а мой старший брат Боря постоянно говорил мне, чтобы я не врал и вполне откровенно завидовал моим приключениям. Но я на него не в обиде, ведь дядя Лёня всецело

подтверждал все мои рассказы. А папа, мама и бабушка только улыбались и кивали головами в мою сторону. Видимо, им было весело слушать меня.

В одном только месте вышла загвоздка, но я всё же выкрутился каким-то образом, сам того не понимая. Когда я сказал, что видел большого серого короеда у дороги, то брат Вася (он старше меня на три года) сказал, что этого не может быть и что я погибаю уже на сухую. А сестрёнка Ира, моя ровесница, поддакнула ему и смущённо заулыбалась. Я спросил – почему? А он сказал, потому что зима и они сейчас спят под корой. Так ведь на нём не было коры, – сказал я, – и он был сухой, такой серый и длиннющий. А насчёт того, спал он или нет, я об этом не знаю. Дядя Лёня в это время отвлёкся разговором с папой и, когда я спросил его, что он

ведь, правда был сухой, серый и длиннющий, то он, обернувшись, положительно всё это подтвердил. Василий недоумённо пожал плечами:

– Ну ты и глазастый, Сашка. И, по ходу, не врёшь, раз папка подтверждает. Его и летом-то не всегда увидеть можно. Где ты его под корой увидишь? А тут осень, снег и на тебе – короед как на ладони.

– Так ведь я же и говорю, что на нём не было коры, и у самой дороги его было хорошо видно.

– Да ладно, понял, понял, – сказал двоюродный брат, и на этом разговор закончился.

Откуда я мог знать, что мы все говорили о совершенно разных понятиях и вещах по определению. Мой брат Вася говорил о вредном насекомом, а я говорил о сухой бескорой сосне. Он думал, что я увидел с дороги маленького жука на дереве. А мой дядя думал, что

я сам догадался, почему дерево без коры, когда я показывал на него в бору, утверждая, что я, мол, понял, кто это сотворил. А я подумал, что короед – это сухостойное дерево и называется так, потому что у него совсем нет коры.

Вот такая непонятка вышла. И засело у меня в голове это определение о сухостойном дереве на несколько лет. Но особый случай, который всё прояснил, подстерёг меня на жизненном пути совершенно неожиданным способом.

Это произошло, когда весёлая компания друзей-одноклассников направлялась в свой заветный лес – Первомайский бор.

Любое путешествие имеет свою цель и задачу, но нам не нужно было предварительно договариваться, зачем мы туда пойдём. Можно было поиграть в баши-догонялки, круговую лапту, чижик, знамя, войнушку, сражаться на

самодельных саблях, пострелять друг в друга из рогаток шишками, в футбол поиграть, в круг вышибала, в третий лишний с ремнём, просто побегать и, конечно же, ползать по деревьям.

Всевозможных различных игр, занятий и развлечений, исходя из времени года и места, было такое множество, что меня сегодня могут упрекнуть в предвзятости и нарочитой вычурности моего повествования. Оправдываться не хочу, потому что разных занятий в ту пору в деревне было гораздо больше, и никто никогда не раздумывал, как проводить свободное время в деревне. Его нужно было аккуратно выкраивать между исполнением постоянных обязанностей по дому, по хозяйству, по учёбе и так далее.

Исполнять свои домашние обязанности в ту пору считалось делом обычным и непререкаемым.

А в некотором смысле это было даже почётно, потому что считалось большим доверием. Вот бы позору было, если бы, например, чья-то мама окрикнула паренька. Ты куда, мол, потянулся, дорогой сын, а кто кроликов твоих кормить будет? А почему корова мычит не напоенная? А ты за хлебом в магазин сходил? А ты в конюшне вычистил? А ты половики вытряс? А кто во дворе прибирать будет? И если тебе возразить было нечем и звучало как приговор: «Марш домой!», то презрительное у-у-у-у тебе было обеспечено и в другой раз в команду тебя могли просто не взять.

Мы были, конечно, сорванцы, но к своим домашним обязанностям относились с пониманием и уважением. Мы очень понимали и жалели своих родителей, а их похвала была для нас, как высшая награда. Другое дело – уроки. Непредвиденно было сидеть с нами нашим

родителям, они постоянно были в делах и заботах на работе и дома.

В те времена действовал один негласный закон. Двойку получил – получи. Дневник раз в неделю – на показ... и распишитесь, пожалуйста, папа или мама. А там уже сам думай – на футбол или... Конечно же, это общие подходы, а в частности у каждого могло быть и по-другому, но в целом по жизни всё было именно так.

Сегодня ранняя весна. Среда апреля. Прилетели грачи, и кто-то бросил клич: идём в бор, попробуем до грачиных гнёзд добраться. Я в этих действиях ещё не участвовал, хотя видел не раз, как местные мальчишки постарше зорили в тальниковых зарослях сорочьи гнёзда. А тут – грачи. По моим понятиям птица благородная и полезная.

Но вопросов я задавать не стал, да и Серёга Лежанин, мой одно-

классник и друган, заявил, что это традиция, и что самое главное до гнёзд на верхотуру забраться. Ну это своего рода проверка для пацана на ловкость, силу и смелость. Взобрался – так значит, мужик, а нет – так слабак. Я намотал на ус и немного призадумался, а как это всё происходит, опыта у меня никакого не было.

Слабаком прослыть, конечно же, не хотелось. Может, откосить под каким-то предлогом, а то мало ли как попытка сложится. Но любопытство взяло верх, и я присоединился к компании.

По правде сказать, гнёзда в бору не везде и не в любой год. Но на этот раз мой сосед Серёга Шевчук предложил попробовать аккуратно напротив нашего двухквартирного дома. Сейчас этот дом 22 на улице Гагарина в селе Первомайском.

Я удивился. Да как же, мол, на

такую верхотуру забраться можно. Я каждый день за грачами наблюдал из окна дома. Их там целая стая, целое поселение. Но там метров двадцать – не меньше до вершин, где гнёзда располагаются.

– Можно, если осторожно и умеючи, – сказал Серёга Лежанин. И мы всей ватагой поспешили в условленное место.

– Ну, кто... первый полезет? – спросил Серёга с видом бывалого верхолаза. Пацаны притихли. Сосны были высоченные, и ветер раскачивал их из стороны в сторону довольно сильно. Грачиное место было бойкое – целый грачиный базар, но птицы никакого внимания на нас не обращали. Они носили веточки и всякую мелочь, продолжая обустраивать свои гнёзда. Место и положение было выбрано правильно, потому что метрах в пяти от нашей группы то и дело падали сверху жидкие

чёрно-белые «гостинцы». В некоторых местах на соснах было сразу больше десятка гнёзд, и они теснились друг к другу безо всяких просветов. Если долго смотреть на всё это снизу вверх, и то голова кружится, а если наоборот, подумал я, то как это будет.

– Ну что, будешь на новенького?
– Неожиданно для меня предложил Серёга. – Или тебе слабо? – Все, как по команде повернулись в мою сторону и уставились на меня с ехидными немymi вопросами...

– Да нет, не слабо, – ответил я. Просто я никогда этого не делал. У нас в Астрахани таких деревьев нет.

– Ну опять ты, Саня, своей Астраханью донимаешь, – сказал Серёга и махнул рукой. Толпа ребят разочарованно зашикала и начала подтрунивать надо мной.

Почему я решился на эту ри-

скованную авантюру, до сих пор не понимаю, но я решился.

– Эх! Если б Мишки были пчёлами, то они бы нипочём... – Попытался пошутить я и, поплевав на руки, подошёл к самой высоченной сосне.

Обхватив руками и ногами выбранный мной же самим сосну на опушке бора, я начал карабкаться вверх по дереву. В самом начале мне показалось это очень легко. Сначала я подтянулся на руках, обхватив ствол и одновременно расслабив чуть ноги и напрягая пресс, перехватился ногами чуть повыше. А потом ещё и ещё раз. Ничего особенного, подумал я и устремился дальше вверх по стволу. Но уже через несколько метров, когда закончилась коричневая шероховатая кора и началась более тонкая часть сосны, покрытая желтоватой шелухой, то стало намного труднее. Дерево стало

скользким, и чтобы перехватиться чуть повыше, требовалось намного больше сил и способностей.

Добравшись до первого толстого сучка, я ухватился за него и, повернув голову, посмотрел вниз. Мамочка моя, подумал я, высота-то какая. Метров десять, не меньше. Но лиха беда – начало. Снизу улюлюкали и подбадривали: «Давай, Саня, давай». Серёга кричал мне, чтобы я вниз не смотрел, а то голова, мол, закружится. Да я и не смотрел. Больно мне надо на вас смотреть. Впереди меня ждёт победа и всеобщее уважение. Я отдышался и полез дальше вверх. После каждого маломальского сучка я располагался в развилке и немного отдыхал, а затем снова вверх. Азарт уже совершенно захватил меня целиком и полностью.

Внезапно начали уставать руки с непривычки, и ноги тоже почти не слушались. Этого я предвидеть

не мог. До ближайшего гнезда было ещё метра два не больше. А в другой раз я уже точно не на-смелюсь, подумал я. И я решил довести дело до конца.

Прилагая максимум усилий, я добрался до первого яруса гнёзд и тут понял, что могу спокойно отдохнуть в кроне дерева на массивных развилках больших ветвей. Но снизу чего-то кричали, хотя я их почти не слышал, ветер шумел в кронах деревьев, и слышимость была неважнецкая. Я насмелился посмотреть вниз и чуть не свалился. Ни фиги себе высотыща. Если отсюда брякнешься, то костей не соберёшь.

Но любопытство всё-таки взяло верх над здравым смыслом. Я начал протискиваться между больших ветвей дальше вверх на самый высокий ярус, где располагались гнёзда. А они там были один на одном, то рядом, то выше,

то сбоку, а то сливались в целые большие кучи.

В каждом гнезде, точнее сказать, в каждой ячейке этих коллективных гнёзд сидели грачи. И очень может быть, что они сидели на яйцах. До ближайшего пернатого я мог просто дотянуться рукой. Грачи почему-то не улетали и поднимали такое истошное карканье, что я просто опешил. Так близко этих птиц я раньше не видел. Их перья отливали каким-то неопределённым чёрно-фиолетовым оттенком. Большие чёрные глаза с оранжевым окоёмом смотрели на меня настороженно и вопросительно. Всякий раз, когда они раскрывали свои чёрные клювы с серым пояском у основания, они каркали на меня с возмущением и негодованием, как будто хотели урезонить меня...

— Не-КРА-сиво, молодой человек, КРА-сть наши яйца в КРА-пинку. Не

КАР-тошку, чай, собирать пришёл и не на КАР-усели покататься. Чего это ты, милоч, сюда вс-КАР-абкался? Мы ведь специально так высоко гнёзда вьём, чтобы нас никто не тревожил. Отвечай КРА-тко. Ты не на КАР-тину смотришь, и мы не КАР-тонные КАР-лики. А селимся рядом с вами, чтобы на ваших огородах и полях вредных насекомых собирать и птенцов своих вс-КАР-мливать. КАР-аул! – Ну что-то вроде того или как-то так они выражались на своём птичьем языке. И я их по гуманным соображениям вполне понимал.

Я забрался ещё чуть выше, приподнялся почти в полный рост и замер, как замороженный. Передо мной простиралось волнистое, колышущееся зелёное море из крон деревьев. Верхушки сосен величественно и плавно раскачивались. Ветер тихо веял, а я словно парил над этим вечно зелёным

привольем векового бора. Как будто сам Всевышний держал меня на своей могучей и благословенной ладони. Мне стало очень легко, свободно и совсем не страшно...

Метров на сто вперёд и в бока были видны сплошные чёрные гнёзда, на которых то сидели, то прилетали, то улетали чёрные, как смоль, грачи. Казалось, будто я попал в другой мир, но только уже на самом Небе. Посмотрев влево, я увидел речку Миасс, а за ней великолепное большое село Кирово. Обернувшись назад, я увидел своё село Первомайское, свой дом, школу, клуб и Каменную гору. Ещё я увидел первомайский пруд и все ближайшие окрестные леса. Ничего себе – красотища-то какая, подумал я. Но почему грачи не улетают?

Держась одной рукой за выступающий сучёк, я махнул другой

рукой в сторону ближайшего грача. Он подпрыгнул, слетел с гнезда и, усевшись неподалёку на краю гнездовья, стал истошно на меня каркать. Да я для них совершенно не страшный, – подумал я. И, немного наклонившись, я заглянул в гнездо. Там в углублении из сухой травы, пёрышек и пушинок, как на ладони лежали три грачиных яйца. Я увидел их тогда в первый раз и немного изумился, что они такие маленькие, бледно-зелёные, пёстренькие, в коричневую крапинку, как камушки-голыши на берегу пляжа. Такие неприметные яйца. Наверно, это для лучшей маскировки, – сообразил я.

А дай-ка я добуду трофей, – подумалось мне. Охотничий инстинкт что ли сработал или просто желание похвастаться перед друзьями своей удачей, я сейчас не помню, но какое-то совершенно незнакомое мне чувство под-

талкивало меня к этому.

А что... я зря что ли залазил на такую верхотуру, чтобы с пустыми руками возвращаться обратно? – подначивал я сам себя. Но кто-то другой, очень добрый и совестливый в моём сознании, говорил укоризненно: не делай этого, Саня, не делай. – Но почему же?! – возражал я сам себе. Но тот – другой, добрый и совестливый, с небольшим перевесом, всё-таки победил, и я отказался от этой затеи.

Я наклонился и, как бы прощаясь, дотронулся до кладки. Она была тёплая, и я это отчётливо почувствовал. Ну ладно, живите, сказал я, и в это время порыв ветра качнул многоэтажную конструкцию, и я потерял равновесие.

Немного покачавшись, как циркач на тросе, я соскользнул с опоры и полетел вниз. Только, очевидно, по счастливой случай-

ности я угодил правой ногой, под коленом, в развилку веток нижнего яруса верхушки дерева, а правой рукой в локтевом изгибе, в падении хватанул за ветку сосны находящуюся чуть выше. Рефлекс сработал за долю секунды, рука мгновенно сжалась в замок, и я повис в кроне дерева. Подо мной почти не было веток и развилок, на которые я мог бы опереться.

Крону дерева при этом сильно встряхнуло, и грачи, слетев со своих гнёзд, стали мельтешить передо мной и, ещё больше раскаркавшись, снова опускались на кладки.

Внизу сначала ахнули, а потом что есть мочи начали кричать наперебой: Саня, держись! Но именно сейчас, менее всего в эти секунды, мне были нужны советы.

Бешено колотилось сердце. В ушах шумел прибой. Я чувство-

вал, как часто пульсирует кровь в висках и на шее. Сознание работало в авральном режиме. Я попытался сходу взобраться на ветку, но у меня ничего не получилось. Что делать – я не знал. Но я знал точно, что долго так не протяну.

Внизу кто-то кричал: «Короед, помоги ему, у тебя получится».

– Я не успею, – отвечал кто-то голосом Серёги Лежанина.

– Успеешь! Быстрее, а то разобьётся!

Да они что – смеются надо мной что ли, промелькнуло у меня в голове. Причем здесь короед. Меня это порядком разозлило и добавило чуточку сил.

Я продолжал бороться за жизнь и несколько раз с надеждой и отчаяньем прочитал краткую молитву. Она вспыхнула в моей голове, как молния. Молитву Ангелу Хранителю – одну-единственную, которую я знал и которой в самом

раннем детстве меня научила моя родная бабушка Настя.

Я родился 8 апреля 1962 года, в день Архангела Гавриила сразу после праздника Благовещения. Я всегда читал её про себя, когда мне было плохо или страшно.

А сейчас мне было очень плохо и очень страшно. Столько сакрального смысла и неистовой веры я ещё никогда не вкладывал в эти слова. Я не сдавался. Немного успокоившись, я продолжил свои тщетные попытки взобраться на ветку, постепенно осознавая, что у меня это вряд ли получится.

И вдруг меня будто кольнуло в голову. Я отчётливо вспомнил свой зарок с Бором в первый день нашего знакомства и понял, что я его сегодня нарушил. Нарушил завет, данный мной перед Небом. Я виноват перед ним, но я ведь передумал в самый последний момент и отказался разорять грачиные

гнёзда. Разве он не знает об этом. «Прости меня, Бор», – прошептала я сквозь слёзы. Мои руки уже начали потихоньку разжиматься. Правая нога под коленом занемела и отказывалась меня слушаться.

Вероятно, Вселенная услышала меня, потому что внезапно ветер усилился и в несколько порывов так раскачал крону, что это помогло мне перехватиться рукой чуть выше. Моё незавидное положение немного улучшилось. Когда в очередной раз после раскачки я сделал отчаянную попытку взобраться на ветку, какая-то неведомая сила, ухватив меня за куртку под лопаткой левого плеча со стороны спины, помогла мне очутиться на развилке ветвей и прижала спиной к стволу дерева.

Я не сразу сообразил, что сейчас произошло со мной, и почему мне удалось избежать падения. Мелкая дрожь побежала по всему

телу, губы задрожали, а зубы зачачали. А потом я как-то весь обмяк, ничего не понимая и не соображая. Сколько так продолжалось, не помню. Кто-то придерживал меня и подстраховывал, прижимая к стволу, но мне со спины не было видно, кто бы это мог быть?

– Саня, ты как? – услышал я почти под ухом очень знакомый голос. – Сможешь спустаться обратно или отдохнёшь маленько.

– Не могу пока. А ты кто?

– Кто, кто – Серёга, кто же ещё?

– Какой Серёга? – спросил я, не соображая ничего и не узнавая голос своего друга Серёги Лежанина. – Какой Серёга? – переспросил я вновь.

– Да тот самый, какой же ещё.

– Спасибо, Серёга! Мне кажется ты меня спас от смерти.

– Там внизу мягкий мох, да и веток сухих по дороге целая уйма. Так что не убился бы. Не

боись, Саня. А вообще-то, если бы ветер так не раскачал сосну, то мне бы тебя никак не замахнуть было бы обратно на ветку. Так, что это случайно, Санёк. Везунчик ты, Саня.

– Ага, понял. Ты ещё скажи, что и ты здесь случайно оказался.

– Сможешь, Саня, теперь спустаться?

– Теперь смогу.

– Давай я вперёд тебя буду слазить и если что, то подстрахую.

– Ага, давай, – сказал я, не оборачиваясь и неуклюже цепляясь за ветки.

Мы потихоньку начали слазить вниз, а я всё ещё не понимал, кто был мой спаситель. А спускался я намного дольше, чем залазил вверх. В таком состоянии это и понятно. Ноги дрожали, руки слушались плохо, а пальцы рук как будто занемели. Когда я добрался до места, где начиналась кора,

то я просто уже почти юзом соскользнул последние метров пять – шесть и довольно сильно ободрал ладошки и оголённые части ног. На последнем метре я практически рухнул под дерево и, приземлившись на мох пятой точкой, тихо застонал, обхватив голову руками, лёжа на правом боку. Слезы были, но истерики не было.

Все пацаны безмолвно стояли вокруг меня, очевидно понимая, что мне сейчас пришлось пережить. Через минуту я успокоился и сделал попытку подняться на ноги, но не смог. Серега Лежанин подал мне руку и помог подняться. Потом обхлопал меня от сосновой шелухи, кусочков коры и сосновых иголок и, ударив ладошкой в плечо, серьёзно заявил:

– А ты молоток, Саня. Никто, кроме меня, из пацанов, на эту сосну и не смог бы залезть, а ты смог.

– Залезть-то я смог, а вот слезть без тебя вряд ли получилось бы. Спасибо тебе, Серёга. Я только теперь понял, что это был ты. Я посмотрел на ободранные ладошки, на испачканную в смоле курточку и резонно заметил: ну и как я дома теперь появлюсь? Мне вечером ещё по хозяйству родителям надо помогать.

– Пошли ко мне домой, Саня. Замажем йодом ссадины, смолу тройным одеколоном отшоркаем, а потом и домой пойдёшь.

– Хорошо, Серёга, давай сначала к тебе, – на выдохе и уже спокойнее сказал я.

И мы всей гурьбой пошли с опушки леса через первый, попавшийся нам проулок. Немного отойдя, я оглянулся на сосну, чтобы на всю жизнь запомнить это место. И я его очень хорошо запомнил. Настроение моё стало улучшаться, ведь у меня был

очень хороший повод – я уцелел, и это радовало меня прежде всего. Грачи, как ни в чём не бывало, продолжали сновать в кроне высокого дерева. Бор тихонько шумел и раскачивался под лёгким ветерком, будто он тоже искренне чему-то радовался.

Пацаны о чём-то шептались между собой и всей гурьбой проводили нас до поворота на другую улицу, а потом, пожав нам руки, без лишних слов стали расходиться по домам. Мы с Серёгой пошли дальше и тоже молчали.

Руки и ноги начали неистово саднить и ныть, но я был безмерно счастлив. Гордиться мне, правда, было пока нечем, ведь только благодаря помощи Бога и моего друга, который, как ангел-хранитель, взлетел на вершину сосны и, наверное, спас меня от губительного падения, я остался живой и практически здоровый. Пройдя немно-

го вперёд, я остановился, как вкопанный. А ведь это мой дорогой давний друг Бор услышал меня сегодня и проявил ко мне своё участие и благоволение. Иначе как объяснить такое необыкновенное везение и такую неведомую силу? Спасибо тебе, мой дорогой Друг. Грачей так близко я больше никогда не видел...

Вероятно, можно ещё долго гадать, какая связь между Серёгой Лежаниным и короедом. А ведь действительно, какая? Лично я никого другого, кто бы мог так мастерски лазать по деревьям, как Серёга, в жизни не видел и не знаю. Этот феноменальный дар и выдающиеся способности, наверно, от природы даются. Пройдет совсем немного времени и ваш покорный слуга станет быстрее своих сверстников из Первомайки бегать, дальше всех кидать учебную гранату и даже поставит рекорд ма-

лых «Олимпийских игр» спортклуба «Кировец», который уже сорок три года никто не может побить. Станет на удивление своих друзей подтягиваться несколько раз на одной руке, легко ходить по канату, но так быстро и ловко лазать по деревьям так и не научится. Он – Серега Лежанин – абсолютный чемпион и рекордсмен по верхолазанию навсегда. И поэтому его почётную кличку-прозвище «Короед» я пишу с заглавной буквы из огромного к нему уважения и по указанным выше причинам. Но ведь я-то об этом ещё не знал и даже не догадывался.

Пришли мы домой к Серёге минут через десять. Родители его были ещё на работе. И мы с ним уединились в садике под окнами его дома, который находился на развилке дорог, у самого Первомайского озера, напротив совхозного гаража.

Серёга размалевал мои руки

и ноги йодом. Затем он принёс тройной одеколон и помог оттереть с моей курточки сосновую смолу, наставляя меня при этом.

– Домой придёшь и с рук отшоркаешь, а то если сейчас попытаться, то сильно раны жечь будет. Уж я-то, Саня, знаю. Запомни, Саня, что смолу отшоркать с одежды или с рук можно только с помощью тройного одеколona.

Я сказал, что запомнил, и тут мой взгляд скользнул вдоль высокого забора, которым был огорожен их приусадебный участок. Увидев нечто, я удивленно воскликнул:

– А это что такое – короед?!

– Сам ты короед! Чего дразнишься, – немного возмущённо огрызнулся Серёга. – Ща как дам в лоб и не посмотрю на то, что мы с тобой друзья.

– Да я, Серёга, не дразнюсь вовсе. Вот ведь, сам посмотри, – и я пошёл вдоль ограды, а мой друг

Серёга с любопытством пошёл за мной. – Вот гляди сам, – я показал рукой на небольшое и, как мне показалось, засохшее хвойное дерево метра три высотой. Рядом с этим деревом, метрах в четырёх или пяти, чуть подальше у забора красовалось почти такое же по росту, но абсолютно зелёное хвойное дерево.

– Не. Тебе показалось, – сказал он. Они еще спят, холодно еще, – деловито, добавил он, и уже собрался было отойти обратно, но почему-то стал приглядываться со всех сторон к сухостойной, на мой взгляд, сосёнке.

– Да не. Не может быть. Даже если бы он действительно был, то как бы ты, Саня, его заметил с такого большого расстояния, такого маленького.

– Какого маленького? – сказал я немного, напрягаясь.

– Да где ты его видишь здесь,

Саня? – не скрывая раздражения, возмутился Серёга.

– Вот он, Серёга, перед тобой, три метра в высоту и лапы раскинул, – сказал я, показывая рукой на дерево.

– Саня, ты что с дуба рухнул что ли? Точно – залазил на сосну, а рухнул с дуба. Тебе что – мерещится что ли? Ты не сдурел, Санёк?

– Да нет, не сдурел, Серёга. Я ещё с детства знаю, что короед это сухое дерево без коры, которое стоит среди леса, пока не упадёт. А когда упадёт и завалится, то уже валёжником называется. Его поэтому так и называют – короед, потому что оно сухое и без коры. А ты что, Серёга, не знал что ли?

Серёга шумно выдохнул и сказал с облегчением:

– Ну теперь мне всё ясно. А я уже было подумал, что ты это... того... сбрендил немного. Такое

бывает с людьми, – и он вздохнул облегчённо и сокрушённо ещё раз.

– А скажи-ка мне, дорогой друг Саня Моргунов, астраханец ты наш. Мне такую козырную и практически необидную кличку «Короед» дали за то, что я сухостойное дерево что ли?

– Не знаю, Серёга, – сказал я серьёзно. Я слышал, что кто-то сегодня произносил это слово, а к чему и зачем я так и не понял.

– Ясно, – сказал Серёга. – Мне её недавно брат старший прилепил, когда мы с ним по просьбе директора клуба флага на мачте возле конторы вывешивали. Они мачту недавно вкопали, а шнур для поднятия флага забыли в верхнее кольцо продёрнуть. Ну вот меня и попросили помочь. Я быстреньковлезнаэту длинную сосновую лесину и продёрнул шнурок в кольцо на вершине.

Она, конечно, ниже, чем та сосна будет, но только абсолютно голая, тонкая и сухая. А брательник Валера и говорит при всех: «Ты, как короед, по сухой лесине ползаешь». Вот и прилепилось сразу. Но это не обидно для меня, это почётно. Понял? Такое прозвище ещё и заслужить надо. А там возле совхозного клуба рядом были Андрюха Гундырев, Женька Тарасов, Серёга Шевчук и, кажется, Петро Колбин с Мишей Бухаровым. Ещё кто-то был из наших, я точно уже и не помню. Вот и пошло-поехало по всей Первомайке, потому что заслуженно. То есть я – заслуженный «Короед», понятно тебе?

– Так они и сегодня тоже почти все были, – сказал я.

– Ну так вот, Женька Тарасов и кричал, чтобы я помог тебе поскорее. А когда я спохватился,

то Андрюха Гундырев даже слегка подтолкнул меня в самом начале подъёма. Скажу тебе, Саня, по секрету, что так быстро по деревьям я ещё никогда не лазал. Страшновато мне было, ветер поднялся, болтанка началась. Но, как видишь, всё нормалёк. И ты – молодец, не сдрейфил, и я не подкачал. Скажи мне, Саня, а при каких таких делах ты это слово услышал в первый раз.

И я рассказал ему в подробностях всю историю про короеда, о которой упоминается выше.

Серёга смеялся до слёз, хлопал себя по коленкам, мотал головой и то и дело хватался за живот.

– Всё, харэ. Уморил ты меня, Саня, астраханец ты наш. Представляю, как вы там не поняли друг друга. А Вася, наверно, удивился больше всех. Кому расскажи – не поверят. Большой, серый, сухой и длиннющий короед. Вот смеху-то.

– А ты не рассказывай, Серёга, никому, пожалуйста. Мы ведь это в школе ещё не проходили. А то засмеют меня пацаны наши и обидное прозвище прилепят. Ты лучше объясни мне толком про короеда.

– Ладно, не буду – отличник ты наш, – и опять как прыснет, как рассмеётся. – Запомни. Он – короед – жук вредитель, то есть гусеница его, червячок такой, который древесиной и корой питается в лесу. Усатый, такой небольшой, но шустрый, папка его – жук – жучок такой чёрненький. Понял? И он показал мне примерно его размеры, почти соединив большой и указательный палец правой руки – вот такусенький. Деревья сухостойные, без коры до верхушки – его работа. А ты говоришь – три метра... лапы раскинул... – и мы засмеялись вместе.

– А, ты, Серега, мне его пока-

жешь, когда потеплеет? – Поинтересовался я.

– А что откладывать-то, – сказал он, встав на вытяжку и растопырив руки. – На, смотри! – И мы снова засмеялись.

– Я – «Короед» – ловкий пацан, потому что быстрее меня в этой деревне по деревьям никто не лазает. Это моя почётная и заслуженная кличка, или прозвище по-другому. Понял?

– Да, как не понять, Серёга, спас ты меня сегодня именно поэтому. Повезло мне, что ты сегодня был с нами.

– Это точно, Саня. Ни Серега – «Боцман», ни Андрюха – «Длинный», ни Женька – «Тарас», ни даже твой новый кореш из Челябинска Толик Гагин – «Гудок», дружбой с которым ты всегда так хвастаешься, не смогли бы и до середины этой сосны докарабкаться. Разве что только

«Миклуха» – «Соболь» мог до вершины сосны дотянуть, но так быстро, как я, вряд ли. Да и не было его сегодня с нами. Он маме Клавье пошел помогать – на ферме управляться. Так что только я, «Короед», смог бы это сделать сегодня и, как видишь, сделал, а главное быстро и вовремя.

– Я – твой должник, Серёга.

– Да ладно, не бойсь, сочтёмся,
– весело сказал он и хлопнул меня по плечу.

– А прозвище тебе, Саня, похоже, с сегодняшнего дня тоже дадут. Ты, как циркач на канате, балансировал на вершине сосны. И кто-то, из наших пацанов про это так и сказал, что ты, Саня, – «Циркач».

– Хорошо, если так, – сказал я.
– А с этим деревом что случилось, что не так? Неужели его тоже... – но не успел я договорить, как Серёга выпалил сходу:

– А это – лиственница – дерево такое. Понял?

– Так, а почему оно голое и как бы сухое?

– Не голое и не сухое, а просто оно иголки на зиму сбрасывает, а весной они снова отрастают. Понял?

– Странно... сказал я. – И сколько у вас здесь всего такого есть, чего я ещё не знаю?

– Саня, ты сегодня получил боевое крещение и поэтому можешь говорить не у вас, а у нас. Ты теперь точно наш – первомайский парень.

– Но это дерево?.. Откуда оно у вас? Я таких деревьев здесь нигде не видел.

– Ты ещё много чего не видел, Саня, а мы не видели твоей Астрахани. Папа мой его из питомника привёз вместе вон с той елью, которая вечно зелёная, как и сосна. Понял теперь?

– Теперь понял, – сказал я уже уверенно и спокойно. И мы, не договариваясь, как по команде, растопырили руки, как два «сухих короеда» и весело рассмеялись.

Очевидно, что-то сейчас произошло в этом мире. Картина воспоминаний из прошлого мгновенно исчезла. Настоящее проявилось в моём сознании почти сразу, и время снова потекло в привычном и естественном измерении. Совершенно неожиданно для меня, с козырька крыши над моим балконом слетела стая голубей, и шумно хлопая крыльями, полетела в сторону железной дороги. Пассажирский состав встрепенулся и медленно тронулся в сторону города Кургана. Когда я провожал его взглядом, то знакомая мелодия вдруг обрела слова. И моя взволнованная

душа, в такт с моим растрево-
женным сердцем, тихо запела
любимую песню моих дорогих
родителей:

Быстро-быстро, как птицы,
Дни летят, как один.
Лягут чёрные рельсы
От Москвы до Целин.
И в дороге один я
Передумаю вновь.
За Уралом – Москва,
За Уралом – мечты,
За Уралом – Любовь.

Впереди переклички
С эшелонами встреч.
Прозвучит непривычно
Нам казахская речь.
Промелькнёт над перроном
Серебристый поток.
Поезд дымкой зелёной,
Поезд дымкой зелёной
Нас умчит на Восток.

Позабудь, дорогая,
Про печаль и тоску.
Из целинного края
Возвращусь я в Москву.
Ты придёшь, меня встретишь
На Казанский вокзал.
Улыбнутся сквозь слёзы,
Улыбнутся сквозь слёзы
Голубые глаза.

Поезд набрал ход и постепенно скрылся из вида. Мне показалось, что за это время, пока он стоял напротив нашего дома, я успел прожить заново целую жизнь. Но, как это возможно?..

Проходящие через станцию Мишкино пассажирские поезда останавливаются здесь только на одну минуту...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Уже более полувека минуло со времени тех событий, о которых я рассказал в этой маленькой повести. И чем старше я становлюсь, тем чаще вспоминаю о прошлом.

В позапрошлом году, в начале лета, я проезжал через село Первомайское, и мне очень захотелось увидеть эти места, где прошло моё детство и моя юность.

Наконец-то я снова встретился с моим давним другом Бором, нашёл и узнал сосну, на которую я забирался сорок семь лет назад. Сосна, очевидно, тоже меня узнала. Она тихонько раскачивалась под ветром, как бы настороженно ожидая, что будет дальше.

Я обнял её и прижался к ней всем телом, и на минуту замер. Я снова погрузился в океан памяти и прожил всю свою сознательную жизнь за одно неувловимое мгно-

вание. Как быстро пролетело время!.. И как тогда я со всей силы стиснул её в своих объятиях. Какие чувства при этом я испытывал и что пережил за эту минуту – словами не передать...

– Слава Богу за всё!.. До свиданья, мой старый Друг Бор. И спасибо тебе ещё раз. Надеюсь, ещё увидимся. Я всегда буду ждать новой встречи с тобой, а ты живи вечно, как память...

Когда я выезжал из Первомайки со стороны озера на улицу Краснодольскую, то сразу справа, недалеко от дороги, я увидел два зелёных, высоченных хвойных дерева – лиственницу и ель. Они, как и прежде, стояли на той же усадьбе, как два часовых мимолётного быстротечного времени.

А в прошлом году, в начале января, вечнозелёным мне представилось только одно, а другое сиротливого серого цвета груст-

но стояло рядом, ожидая новой весны.

Но я верю, очень верю, что придёт апрель и всё опять повторится сначала.

.....

Имена, фамилии и даты в этой маленькой повести не изменены. Эта действительная история произошла в указанное время и в указанном месте, но уже с элементами моего личного восприятия мира и жизни.

Похожих историй может быть сколько угодно, а детство, незабываемое детство, у каждого только одно, и его никакими вымышленными историями не подделаешь.

У Бога дней много...

Возможно, именно в тот день, когда я совершил эту дерзкую попытку превзойти себя, моё детство закончилось.

Но я об этом не жалею. Наступила другая пора, наполненная другими интересными событиями и яркими впечатлениями. А это значит – продолжение следует.

Сегодня 10 марта 2023 года.

А. Моргунов

Александр Моргунов

СЕРЕБРИСТЫЙ ПОТОК

Маленькая повесть

Адрес электронной почты автора:
aleks.m.62@mail.ru

Верстка: Константин Потаскуев

Отпечатано в ООО «Типография Дамми»
г. Курган, пр. Машиностроителей, 13А
тел.: 8 (5322) 255-540, 8 (5322) 255-545
e-mail: sales@dammy.ru
Заказ № 88027. Тираж 500.

